

Валентин Пикуль

Мальчики с бантиками (фрагмент)

Они видели многое. Они совершали подвиги. Жизнь их была полна приключений.

Джек Лондон

От автора

Юность... Она была тревожной, как порыв ветра, ударивший в откинутае крыло паруса.

Эта книга и посвящается юности – нелегкой юности поколения, к которому я имею честь принадлежать.

Тогда было суровое время жертв, и мы были готовы жертвовать. Многие из нас тогда же ступили на палубы боевых кораблей.

Эту повесть составляют подлинные события. Но имена героев, как и названия некоторых кораблей, я сознательно изменил. А возможные совпадения – чистая случайность.

Технические и специальные термины я умышленно упростил, дабы не утомлять моего читателя.

Разговор первый

Еще ни разу в жизни я не видел ни одного юнга...

Я проштудировал четыре тома «Педагогической энциклопедии», безуспешно отыскивая в ней хотя бы намек на юнг. Энциклопедия добросовестно перечисляла все школы нашей страны – передового опыта и фабрично-заводские, не были забыты даже уникальные школы для поздно оглохших и слабо видящих от рождения.

Но нигде не была упомянута Школа юнг ВМФ – Военно-Морского Флота...

Размышляя над этим казусом, я спешил на свидание с Саввой Яковлевичем Огурцовым.

Двери квартиры открыл не моряк, а человек в кителе служащего Аэрофлота.

– Простите, я, кажется, не туда попал. Мне нужен юнга Огурцов... Вернее, – поправился, – бывший юнга Огурцов!

– Проходите, – последовал краткий ответ.

Огурцов провел меня в свой кабинет, где ничто не напоминало о прошлом хозяина.

Большая библиотека говорила о любви Огурцова к русской истории. У меня глаза разбежались при виде книг, о существовании которых я даже не подозревал. А на столе я заметил дичайшее разнообразие вещей, тоже никак не определявших склонности хозяина к морю.

Лежала стопка книг по тропической медицине. В банке из-под сметаны покоилась жухлая трава, сорванная на поле Куликовом (это я выяснил уже потом). Тут же валялся молоток с гвоздями. А под лампой грелся холеный котиче – черный, а глаза с желтизной.

– Итак, я к вашим услугам, – нелюбезно буркнул Огурцов.

Выслушав меня, он задумчиво погладил кота.

– Вы хотите написать книгу о юнгах? Но это почти невозможно. Школа юнг лежит ныне в руинах, а литературы о ней нет. Из славной летописи флота выпала целая страница, и этого никто даже не заметил. Печально!

– Но мне думается, – отвечал я Огурцову, – вы поможете мне. Вспомните. Подскажите. А кое-что, поверьте, я уже сам знаю...

Савва Яковлевич недоверчиво хмыкнул:

– Что же вы можете знать о юнгах? Сейчас все это уже история.

– Знаю! Например, мне известен даже такой факт, что вы попали на эсминцы, почти не владея одной рукой...

Хозяин сурово нахмурился:

– Да. Было со мною такое. А теперь... Смотрите!

Взял молоток и до самой шляпки засадил в стол гвоздице. Только сейчас я заметил, что стол у Огурцова был необычным. Грубо сколоченный из толстых досок, он скорее напоминал верстак.

– Очень удобно, – сказал Огурцов, отбрасывая молоток. – Такой стол можно очистить двумя взмахами рубанка. Терпеть не

могу помешанных на лакированной мебели. Как правило, за такими столами сидят бездельники, которые не способны думать о работе. Они озабочены только одной трясогузочной мыслишкой – как бы не капнуть на полиранс, как бы не оцарапать его запонкой. А стол, – упоенно заключил Огурцов, – это не украшение жилища, а прекрасный плацдарм для распределения труда и мыслей...

Удары молотка не понравились коту, и он, недовольно фыркнув, спрыгнул со стола. Я раскрыл свой блокнот.

– Может, расскажете, Савва Яковлевич, как же все начиналось в вашей жизни? Что привело вас к морю? И как вы попали на флот?

– Самые простые вопросы – самые сложные. Мне трудно ответить вам в двух словах. Вообще-то, – призадумался Огурцов, – море и корабли я любил с детства. А кто их не любит? Во Дворце пионеров учился в кружке «Юный моряк». Помню, даже значок носил... голубенький такой. Тогда выдавали их. Не знаю, как сейчас. Конечно, мечтал о дальних странствиях. А кто о них не мечтает? Однако не забывайте, что ненависть к врагу у меня в душе воспиталась не по газетам. Так что, помимо морской романтики, было еще и великое желание воевать. А началось все с колеса...

– С какого колеса?

– С самого обыкновенного. С колеса товарного вагона на станции Вологда-Сортировочная. Да, именно с этого проклятого колеса и началась моя зрелая жизнь. С той поры прошло уже тридцать лет, а это колесо иногда еще накатывается на меня по ночам...

– Что ж, вот и название первой части. «Колесо»!

Огурцов сразу остудил мой горячий восторг:

– Заранее условимся, что каждую часть вашей книги я буду завершать своим очерком. Вроде эпилога. Моряки пишут худо, но довольно искренно, – это заметил еще Крузенштерн.

На прощанье я сказал:

– Возникли два мучительных вопроса...

– Заранее догадываюсь, о чем вы спросите. Вы увидели на столе книги по тропической медицине. Но человек должен много знать, а я... самоучка. Затем вы хотели спросить, почему я в этом

кителе. Нет, я не летчик. Моя специальность – компасы. Я служу на аэродроме компасным мастером.

– А какие компасы на самолетах?

– Принцип прежний, проверенный – гироскопический. Ну а что такое гироскоп, вы еще узнаете от меня. Вам необходимо это знать, иначе с книжкой у вас ничего не получится... Всего вам доброго. До свидания!

Часть первая

Колесо

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих...*

Ломоносов

Ближе к ночи эшелон с эвакуированными из Ленинграда втиснулся в неразбериху путей на сортировочной станции Вологда. Город уже спал, и только вокзал еще бурлил насыщенной заботами жизнью – жизнью военного времени. Жесткие графики вдруг срывали с места стальные эшелоны, раздвигали стрелки перед молчаливыми составами, что укатывали в строгую весну года тысяча девятьсот сорок второго – года героического!

Кто-то сказал, что ленинградцев в Вологде кормят по разовому талончику. Бесплатно и без карточек. А столовая для эвакуированных из Ленинграда работает в городе даже по ночам.

В мерцающем свете путевых фонарей по-весеннему тяжелел грязный, истоптанный снег. Сыро было и зябко. Закутанный в платок своей бабушки, Савка на себе вытащил мать из теплушки на зашлакованную насыпь.

Идти было трудно, мать часто опускалась на землю. Савка поднимал ее и тащил дальше, окликая редких прохожих:

– Эй, где здесь блокадников кормят по разовому?

Был уже второй час ночи, когда они, изможденные и усталые от поисков, окунулись в теплую благодать барака, над дверями которого висела надпись: «Питательный пункт № 3».

– Сынок, – ожила мать, – а эшелон-то наш сыщем ли?

Тьма-тьмущая стояла за окнами барака. Савка понимал, что мать по-хозяйски тревожится за свое барахло, оставленное в

теплушке. Там у нее даже швейная «головка», отвинченная от машинки «Зингер». А вот Савке ничего не жаль, кроме двух больших тетрадей, исписанных им в любовном прилежании. По праву считал он себя автором двухтомного труда по военноморскому делу; картинками и чертежиками разукрасил свои рукописи.

Им подали гороховый суп. Савка ел неторопливо, как и все блокадники, маленькими глотками, с удивительной бережливостью к хлебу. Поначалу выбирал из супа всю жидкость, чтобы потом насладиться себя густотой горячего варева. Старуха-подавальщица по-доброму заметила Савке:

– Милый, не оставляй гущу на второе. Будет и каша.

– А какая, бабушка?

– Пшенка. Со свиным смальцем... Уж не обидим вас!

Кое-кто за столами барака умер, не доев своей пайки по разовому талону, и теперь смиренхонько, никому не мешая, сидел за сытным столом – в ряд с живыми. Но к нечаянным и быстрым смертям в дороге уже привыкли.

Обратный путь до станции оказался гораздо труднее, и мать все чаще садилась на землю. Тащить ее было не в состоянии, и Савка ослабел. А на сортировочной – столько путей и столько эшелонов, что казалось, в ночной темноте они уже никогда не отыщут своего вагона. Лазать через высокие тамбуры они были не в силах, а потому Савка волоком тащил мать через рельсы, под вагонами.

– Наш или не наш? – спрашивала мать от земли.

Все теплушки казались одинаковыми, как бобы с одного поля.

– Найдем, – отвечал Савка. – Без нас не уедут.

Он снова поднырнул под тяжелую платформу, на которой сверкал инеем промерзлый танк, грозя в ночь хоботом орудия. Схватив мать за воротник пальто, Савка потянул ее через рельс. Но сортировочная жила своим временем, своим напряжением. И едва удалось дотащить мать до середины рельса, как сработало неумолимое расписание. Издалека уже накатывался перезвон буферных тарелок, бивших все ближе и ближе... Удар! Эшелон тронулся.

– Ма-ама! – истошно прокричал Савка.

Большое колесо платформы черной тенью подкрадывалось к матери, которая лицом вниз лежала поперек рельса. Сидя на корточках под платформой, Савка пытался сдернуть мать на шпалы. Но последние силенки отказали ему, и мальчик в ужасе смотрел, как едет, медленно и неотвратно, жирное колесо, источая в темени ночи неживые запахи масла и гари...

– Мама, вставай! Раздавит же!

Мать слабо подняла голову. Колесо уже прищемило край материнского пальто... Но тут снова раздался звончатый перебой буферов. Савка не сразу понял, что эшелон еще не тронулся – он лишь брал разбег для долгой дороги. Колесо двинулось обратно, освобождая прижатый к рельсу край пальто матери. Они прижались к шпалам, а над ними, быстро наращивая скорость, пошло перекачивать вагоны, теплушки, цистерны и платформы.

Савка видел между бегущими колесами как бы узкий туннель, наполненный грохотом и воем гудящего железа. Вот уже глянул просвет в конце туннеля, под самым последним вагоном. Савка не успел увернуться, и громадный крюк сцепления, болтавшийся в самом хвосте эшелона, сильно ударил его в плечо, проволочил по шпалам...

Ярчайше сияли звезды. Было тихо, когда Савка очнулся, а в отдалении еще помигивал красный огонек уходящего эшелона. Плечу сразу стало больно, но он встал. Подошел к матери, все так же безвольно лежавшей на шпалах.

– Пойдем, – сказал Савка.

...В эту ночь он явственно ощутил, что детство кончилось. Наступила иная пора жизни, которую он еще не знал, как назвать, но в которой нужно было отыскивать свое место...

* * *

А на грандиозном перегоне Вологда – Архангельск жизнь сразу повеселела. И хотя снежок за окнами поезда лежал еще не тронутый мартовским солнцем, воронье уже всю радувалось, галдя над лесными полянами. Да и вагон был уже не теплушкой, а настоящим купейным дальнего следования – с полками для спанья, даже с зеркалами. Военные угостили Савку куском сахара, и он охотно сообщил им:

– Вот везу... маму-то! Уже немного осталось.

– До Архангельска?

– Ага.

– К родным, выходит?

Савка показал конверт последнего письма от отца.

– И адрес имеется – номер полевой почты. Он у меня не как-нибудь... Комиссар!

– Это фигура, – оценили его отца военные. – Только, милый, номер полевой почты – это еще не номер дома.

– Я найду. Только бы в Архангельск поскорее... Чего уж!

Вот и конец пути. Вокзал – на левом берегу Двины, а город – на правом. Моста через реку нет, и пассажиры дружно топают через подталый лед. Даже не верится, что там, в этих улицах города, в хитросплетении корабельных мачт, где-то сейчас находится отец Савки, который еще не ведает, что они уже здесь, только на другом берегу... Савка сгрузил все вещи в горку на перроне вокзала, поверх скарба усадил мать, и она ткнула кулаком в синий узел, проверяя:

– Машинка-то еще здесь? Здесь будто...

Савка перед уходом строжайше наказал ей:

– Ты сиди, пока я папу не найду. Главное, стереги чемодан – в нем мои сочинения.

По скользкой, наезженной санками тропе он съехал с берега на лед реки. Где же искать отца? Напрасно он расспрашивал прохожих, показывал им конверт:

– Где тут найти – вот по такому номеру?

– По номеру? Не знаю, – отвечали прохожие.

А один даже повертел конверт в руках, потом сказал:

– Ну и комик же ты, приятель!

Забрел Савка и на почту, где выстоял длиннющую очередь, чтобы задать все тот же вопрос. Но и здесь его постигло жестокое разочарование:

– По номерам полевой почты справок не даем...

Его уже шатало. От голода. От холода. От недосыпа. Плечо сильно болело, и Савка заметил, что пальцы левой руки разжимаются с трудом.

В пустынной сберкассе, куда Савка зашел обогреться, за стеклами окошечек сидели две барышни. Яростно и жарко пуляла искрами железная печка.

– Тебе тут чего? – спросили барышни.

– А... нельзя? – ответил вопросом Савка.

– Можно. Только не укради чего-нибудь.

– Чего у вас красть-то. Мне бы так... погреться. Из Ленинграда я, из блокады. Приехал вот... а не знаю...

Отношение к нему сразу переменялось, и Савка снова тряс конвертом, рассказывал про отца, что тот служит на кораблях, и не как-нибудь, а комиссаром.

– Так тебе в Соломбалу надо.

– А что это такое? – спросил Савка, запоминая.

– Остров. Ну, как в Ленинграде – Васильевский. В Соломбале, на второй лесобирже – флотский Экипаж. Старый кирпичный дом в пять этажей. Вот там свой конверт и покажи...

Пришлось опять переходить речку, и – правда! – показался большущий домина казенного вида, без занавесок на окнах. Возле пропускного пункта похаживал румяный матрос-новобранец с винтовкой. Ему было явно скучно, и он припугнул Савку штыком:

– Вот я тебя на шомпол насажу, а потом изжарю!

Савка штыка не испугался.

– Нашел чем пугать... ленинградского-то! Мне бы вот комиссара Огурцова. Может, слышал?

– А ты кто такой? На што тебе сдался комиссар?

– Так я же его сын буду... Савка Огурцов!

– Минутку. – И матрос стал куда-то названивать.

Скоро явился запаренный рассыльный в бушлате.

– Вот этого пацана – в политотдел.

– Есть! – развернулся рассыльный.

Он провел Савку на третий этаж, в просторный кабинет, где за столами (под плакатами, зовущими к победе) сидели и что-то писали четыре морских офицера. Савка понял, насколько он плох, когда при виде его один офицер схватился за голову, второй свистнул, третий охнул, а четвертый, самый деловой, спросил:

– Что делать с ним для начала? Мыть или кормить?

Состоялась краткая дискуссия, в которой Савка скромнейше участия не принимал. Коллегиально было решено – сначала кормить, но не до отвала, чтобы не помер.

– Иди на камбуз, но соблюдай норму. Потом ешь сколько влезет, а поначалу воздержись. Отец твой на тральщиках, мы ему сейчас позвоним, и он скоро прибудет...

Столовая в Экипаже – громадный зал вроде театра, и в глубь его тянутся столы, столы, столы... Они накрыты к обеду – миски, ложки, чумички, а вилок матросам не положено. Сбежались официантки. Сочувственно охая, усадили Савку за отдельный стол и сами уселись напротив. Горестно подпершись руками, женщины смотрели, как он подчистую умял и первое, и второе, и третье. Одна из них, постарше, сказала ему:

– Нам не жалко. Мы бы еще дали, да из политотдела звонили. Не велено тебе сразу много есть.

Опять явился рассыльный и объявил Савке весело:

– Ходи вниз по трапам. Тут недалече... только до баржи!

Привел он Савку на баржу, вмерзшую в лед под берегом, а на барже была мыльня. Пожилой матрос-банщик спросил строго:

– А вша у вашего величества имеется?

– Хватает, – робко признался Савка.

– Тогда сымай все с себя, кукарача!

Первым делом банщик пожелал остричь Савку под машинку.

– Нагнись. Я тебя под ноль оболваню.

Савкины пожитки он завязал в узел и поднял его двумя пальцами.

– Вша, – сказал матрос внушительно, – животная загадочная. Когда человек в тепле, в счастье и в сытости – ее нету! Как только война, смерть, голод и горе людское – тут она появляется, стерва, и ты скребешься, как не в себе... Вот что, – закончил он, – от прежней шикарной жизни оставлю я тебе пальтишко, порты да валенцы. Остальное в печку брошу.

– Кидайте, – согласился Савка. – Чего тут жалеть?

Моясь казенным мылом, он заметил, что его левое плечо все синее от удара поездным крюком. В трюме баржи – жаркая парилка, лежат на полках исхлестанные веники. Когда Савка

вымылся, банщик бросил ему все чистое – морское. От кальсон и тельняшки исходил особый – казенный, что ли, – запах.

– Флот жертвует, – сказал банщик, довольный собой.

Отец прибыл в Экипаж, отрывисто спросил сына:

– А где мать?

– На вокзале, с вещами. Я тебя искать пошел.

Быстро подали базовый грузовик. Отец сел в кабину с шофером.

– Жди! – крикнул. – Сейчас привезу...

Вернулся скоро. Выбрался из кабины и только теперь поцеловал сына. «Где же мама?» – подумал Савка, и, словно отвечая его мыслям, отец показал рукою на кузов машины:

– Она... там.

Савка глянул через борт грузовика. Мать лежала, ровно вытянувшись на спине, посреди узлов, уже распоротых ножами вокзальных жуликов. Широко открытыми глазами она смотрела на яркое весеннее солнце. Смотрела, уже не мигая от его блеска.

– Пойдем, – сказал Савке отец.

А кладбище в Соломбале было старинное, могилы там перевиты цепями, и в грунт последнего людского пристанища вцепились ржавые якоря.

* * *

Отец поселил сына в комнатенке, снятой на время в деревянном соломбальском доме, на самом берегу речушки Курьи. Далекие возгласы горнов, поющих по утрам на дворах Экипажа, неустанно зывали к подвигам. Проснешься – и сразу видишь в окне, за бутонами пышных гераней, путаницу снастей, неразбериху корабельных рангоутов. Все напоминало о море. Кажется, Соломбала издревле так уж устроена, чтобы уводить подростков в заманчивые дали морских скитаний. Отсюда, от ее причалов, где сейчас рычат дизеля «морских охотников», начинали свои пути Лазарев и Чичагов, Литке и Русанов, Седов и Воронин! От могилы матроса, погибшего у мыса Желания, прямая дорога приведет тебя в кривые проулучки Соломбалы, и ты постучишься в дом, где живут его потомки. Именно здесь рождались и росли скитальцы-

непоседы, которым хорошо только в море. Даже дети Соломбалы, до позднего вечера играя на воде, поют свои особые песни.

У папы лодку попросил,
Ремнем мне папа пригрозил:

– Вот те лодка с веслами,
Мал гулять с матросами!

В город Савка даже не заглядывал. Днями пропадал на улицах и речках Соломбалы, бродил возле пристаней, вдыхая едкую гарь судоремонтных мастерских, и не раз блуждал в лабиринтах лесобиржи, среди штабелей леса, уложенных в «проспекты». Соломбала – старейшая верфь России, и жители ее не ведают почвы под своими ногами: дома стоят на многовековых отложениях щепок и опилок – отходов от строительства кораблей, давно пропавших в походах, забытых.

Оттого-то, наверное, жилища соломбальских мастеровых и погружались в зыбкую землю, словно тонущие корабли в пучину. Идешь по скрипучим мосткам, а вровень с ними глядят на мир форточки первых этажей – хозяева уже перебрались на второй этаж. Над речками Соломбалы, будто в Венеции, перекинуты горбатые мостики, а берега их вплотную заставлены лодками, весельными и моторными.

По весне залило Соломбалу обширным половодьем, но жизнь продолжалась обычным порядком. На моторках плыли в школу дети, на лодках плыли из магазинов бабки с авоськами, а возле дверей парикмахерской покачивало на волне катера соломбальских мужиков, стоявших в кильватере, чтобы побриться и освежиться.

Настало лето. Иногда, наскоками, отец навещал сына.

– Тебе надо поправляться, – говорил он.

После блокады Савка испытывал постоянный голод и готов был есть с утра до ночи. Отец отдавал ему свой «сухой» бортпаек офицера: тресковую печень, бруски желтого сливочного масла и тушенку. Приносил в бутылках хвойный экстракт.

– Пей вот. Да не кривься. Это спасает от цинги.

Как-то отец принес большую розовую семгу.

– Не вари ее и не жарь, – сказал он Савке. – Ешь, как едят поморы, – сырую. Отрежь ломтик, посоли и съешь.

– Папа, ты сам поймал?

– Нет. Когда «охотники» швыряют на врага глубинные бомбы, то после взрывов всплывает масса оглушенной рыбы. Очумелые, кверху брюхами, виляют хвостами... Зрелище не из приятных.

Лето выдалось жаркое. Архангельск как тыловой город еще не знал светомаскировки, и по вечерам его бульвары и набережные освещались уютными огнями. Посреди Двины, рея флагами США, Англии и Канады, стояли толстобокые транспорты типа «либерти» и «виктория». Вдоль берега сидели на корточках чистоплотные, как еноты, малайцы и стирали свое белье, еще не просохшее после вчерашней стирки. Возле них примостились матросы-негры – сами грязные, как черты, они усердно крахмалили белоснежные воротнички и манжеты. А рядом купались белые полярные медведи из цирка шапито, и это разнообразие настраивало Савку на приключенческий лад...

Появился отец, взъерошил Савке волосы.

– Поздравляю. Тебе сегодня исполнилось четырнадцать.

– Разве? А я и забыл...

Отец рассказал, что немцы приближаются к Волге, образован новый фронт – Сталинградский.

– Сегодня у нас митинг. Будем выкликать добровольцев в морскую пехоту...

В июле буйно отцветала северная черемуха. Она совсем скрывала дома соломбальских мастеровых. В один из таких дней Савка от нечего делать поплелся на перевоз и еще издали заметил, что от реки в сторону Экипажа валит нескончаемая колонна подростков, почти его одноклассков – чуть постарше. В руках мальчишек тряслись фанерные чемоданы, болтались на спинах родимые домашние мешки. Вся эта ватага, галдящая и расхристанная, двигалась неровным строем в сопровождении вспотевших от усердия флотских старшин.

– Эй, кто вы такие? – крикнул Савка.

– Юнги, – донеслось в ответ.

– Какие юнги? – обомлел Савка. – Вы откуда взялись?

Из рядов ему вразброд отвечали, что они из Москвы, из Караганды, из Иркутска, с Волги.

Старшина отодвинул Савку прочь:

– Не мешай! Разговаривать со строем нельзя.

А дальше все было как во сне. Одним махом Савка домчал до дому, из чемодана выхватил два тома своих сочинений и понесся вдоль речки Курьи, не чуя под собой земли, в сторону Экипажа. Юнги уже прошли через ворота в теснины дворов флотской цитадели, и Савка нагло соврал часовому:

– Я же с ними! Ей-ей, отстал на перевозе.

Штык часового откинулся, освобождая дорогу в новый волшебный мир, который зовется флотом. Иногда бывает так, что судьба человека решается в считанные минуты. И да будут они благословенны! Стоял июль – жаркий июль сорок второго года.

Хроника тасс (июль 1942 года)

1 – на севавтопольском участке фронта германские войска ценою огромных потерь продвинулись вперед; завязались рукопашные схватки.

4 – на курском направлении ожесточенные танковые атаки противника. Советские войска оставили Севастополь.

5 – в Баренцевом море советской подводной лодкой торпедирован германский линкор «Тирпитц».

14 – ожесточенные бои советских войск с группировкой противника, прорвавшейся в район Воронежа, и тяжелые бои с наступающими силами врага южнее Богучара.

15 – советские войска после ожесточенных боев оставили Богучар.

17 – советские войска оставили Ворошиловград.

21 – налет советской авиации на Кенигсберг.

23 – югославские партизаны за последние 12 дней заняли семь городов.

24 – ожесточенные бои в районах Воронежа, Новочеркаска и Ростова.

Растет партизанское движение в Польше; убийство германских полицейских стало повседневным явлением.

27 – британские войска на египетском фронте отошли на исходные позиции.

30 – оккупация японскими войсками островов Ару, Кэй и Тенимберских близ Северной Австралии.

Митинг на Трафальгар-сквер в Лондоне с участием около 70 тысяч человек обратился к правительству с призывом ускорить открытие второго фронта...

Это был горячий, изнуряющий июль, когда на советском флоте появилось новое воинское звание – юнга!

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
 - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.